ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
"NUESTRO PAIS"
SEMANARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 523.142

Correo Central B. Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 8980

INTERES GENERAL
Concesión Nº 4233

AÑO VIII Buenos Aires, jueves 23 de Agosto de 1956 • Буэнос Айрес, четверг, 23-го августа 1956 г. № 344

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

38. ПОКАЗНЫЕ УСТУПКИ НЕ ОБЛЕГЧАЮТ ПОЛОЖЕНИЯ НАРОДА. — КАК НАДО СЕБЯ ДЕРЖАТЬ В МОСКВЕ. — ИЮЛЬСКИЙ ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР.

В последних моих статьях мне пришлось отказаться от прежнего моего анализа текущих событий, чтоб дать разбор доклада Хрущева и ответить на запросы читателей об «эволюции».

Теперь следует сделать анализ, хотя бы краткий, наиболее интересных событий на Родине.

Правительство вынуждено продолжать политику показных уступок под влиянием последних своих неудач.

Громовым ударом явилось восстание в Познани: никто его в Москве и, кажется, и в Варшаве не предвидел. Особенно раздосадовало кремлевскую шайку, что восстание произошло на глазах сотен съехавшихся на международную ярмарку гостей.

Ответом на это восстание явилась посылка в Польшу на празднование 22-го июля с. г. «Дня Возрождения Польши» делегации в весьма любопытном составе во главе с Н. А. Булганиным; его сопровождали маршал Г. К. Жуков, предс. Верх. Совета Украины Демьян Сергеевич Коротченко, 1-ый секретарь компартии Литвы Атанас Юстасович Снечкус и посол в Варшаве Пант. Кондр. Пономаренко. В Варшаву же был приглашен мин. иностр. дел Вост. Германии Лотарь Больц. Присутствие Г. К. Жукова и его беседы с «польским» маршалом К. Г. Рокоссовским знаменовали готовность советского военного командования залить кровью любую попытку польского народа сбросить с себя коммунистическое ярмо; наличие в делегации украинского и литовского вожаков большевизма символизировало их солидарность с правящей Польшей коммунистической бандой Охаба, Южвяка, Минца и Бермана. Гости объехали важнейшие польские города, везде Булганин призывал к послушанию этой шайке, а в польском Сталинграде (б. Катговицы) заявил о нерушимости современной польско-германской границы, чем сам нарушил данное Сталиным в Ялте и Потсдаме обещание, что СССР признает **временной** мерой оккупацию поляками чисто германских областей с установлением будущей границы в мирном трактате с объединенной Германией. Это все, чем может Булганин заплатить польскому народу за отнятую у него политическую, хозяйственную и культурную свободу!

•

Пример того, как надо держать себя с коммунистами, дал западным политикам Шахиншах (царь царей) Ирана Мохамед Реза Пехлеви, посетивший с супругой шахиней Сорайей в первой половине июля с. г. СССР. После незадачливого афганского эмира Аманулла, приезжавшего в Советский Союз в 1928 г. и год спустя свергнутого с престола, вновь появился в Кремле гостем цареубийц самодержавный государь, которому эти беспринципные негодяи воздавали подобострастно царские почести. Советские газеты и иллюстрированные журналы поместили много снимков Их Величеств и из советской печати я заимствую русскую транскрипцию титула «шахиня».

Приезжий высокий гость импонировал большевикам своей твердой антикоммунистической политикой и ликвидацией путем массовых казней коммунистических ячеек партии «Туде» в своей армии и администрации.

Шахскую чету возили по Москве, Ленинграду, Баку и Тбилиси; они были в восхищении от морской прогулки из Ленинграда в Петродворец (б. Петергоф) и от живописи в Русском Музее (б. Императора Александра III-го)

В отличие от подобострастных европейцев, восхваляющих «Дворцы Пионеров» в бывших купеческих особняках и совхозы в дворянских имениях, Шах и Шахиня выражали свои восторги лишь русской природой и тем, что создала Императорская — и раньше Царская — Россия (величавый Кремль с его соборами, гранитная набережная Невы, Зимний Дворец, Петропавловская крепость, Исаакиевский и Казанский Соборы, Петергофский дворец с его парками и фонтанами, живопись великих мастеров Российской Империи и многие незабываемые и нами памятниками наших столиц). Впервые в советской истории иностранная царственная чета присутствовала на открытии пленума Верховного Совета СССР и из почетной ложи следила с любопытством за тем, как дрессированные советские болванчики-депутаты вскакивают с мест, и, подобно выдрессированным гимназистам, устраивают партийным вожакам, по церемониалу, кому — «овацию», кому — «бурную овацию», а кому просто — «жидкие аплодисменты».

Тщетно пытались советские мудрецы уговорить Шаха отказаться от Багдадского пакта (военного союза с Великобританией, Турцией, Ираком и Пакистаном). В ответ на льстивые тосты Ворошилова за здравие Их Императорских Величеств Шаха и Шахини, Мохамед Реза произнес на банкете в Кремлевском Дворце полный достоинства тост, в котором, поблагодарив «радушных хозяев» подчеркнул **вековую** дружбу Ирана с Россией (т.е. Империей), напомнил, что Иран — древнейшая в мире монархия, которая ни у кого не хочет брать политических уроков, ни заимствовать чужие порядки; Иран сохранит свои военные союзы, которые имеют исключительно оборонительный характер и поэтому ничем не угрожают миролюбивым соседям, если они не собираются нападать на Иран.

Это заявление шаха нанесло сильный удар всей хитроумной политике советской дипломатии. Никакие взаимные комплименты при прощании не смогли замаскировать первый провал Дм. Т. Шепилова после того, как он сменил незадачливого и упрямого Молотова.

•

Пленум Верховного Совета, на открытии которого побывали августейшие иранские гости, интересен двумя своими решениями: законом о пенсиях и ликвидацией Карело-Финской ССР.

Новый закон о пенсиях, (который я уже разобрал в одной из предыдущих статей), явился попыткой «замазать рот» нищенствующим по улицам и на паперти церквей инвалидам войны — ярым и открытым ругателям советского режима. Лица, побывавшие недавно в СССР, мне лично говорили, что на рынках милиционеры стараются не слышать, как безногий или слепой герой войны с колодкой орденов на груди проклинает советскую власть или непочтительно отзывается о матерях не только Сталина, но и Хрущева с Булганиным. В советской подпольной поэзии известен гневный плод революционной музы, в котором говорится:

Мы не даром немцев били в прах
И кровь свою мы пролили не даром:
Вон, инвалиды с шапками в руках
На костылях стоят по тротуарам!

Милиционеру стыдно тащить в тюрьму калеку, а в концлагере что с ним делать?

Теперь этим несчастным защитникам сталинского режима дается повышенная пенсия, но в то же время другой новый закон от 29 июня с. г. лишает тысячи инвалидов их лучшего заработка и обрекает на полуголодное существование миллионы горожан. Это - свирепый закон о запрещении расходования хлеба, зерна, муки, крупы, картофеля и овощей на корм скоту и домашней птице.

Вся экономическая политика большевиков стремится к тому чтобы держать народ в полуголоде, ибо коммунисты правильно поняли, что полуголодный раб ищет только пищи для своей семьи и пресмыкается перед властью за лишнюю колбасу, сыр, коробку консервов, а тем паче за ботинки или костюм, а сытый рабочий, крестьянин, еще скорее интеллигент обычно мечтает о всяких человеческих правах и свободах. Не будучи в состоянии обеспечить продовольствием гордское население (за исключением 16 столиц союзных республик и «городов-героев»: Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда, пользующихся привилегированным снабжением) маленковское «либеральное» правительство в августе 1953 г. освободило от налогов скот и домашнюю птицу рабочих и служащих, что чуточку освободило от коммунистических оков трудолюбивую русскую женщину.

Если москвичка, одесситка или сталинградка всегда находит в своем «Гастрономе» свежие яйца, масло, колбасу и ветчину, то с 1953 г. любая курянка, полтавка или ростовчанка может развести на дворе кур или гусей, завести козу или корову, вскормить поросенка, а для их прокорма купить хлеба, пшена, картофеля. Результаты оказались лучше, чем можно было ожидать. Без мертвящей коммунистической опеки этим занялись позабытые компартией инвалиды войны и многодетные матери; они не только кормили свои семьи молоком, яйцами, цыплятами, а в христианские праздники Рождества и Пасхи ветчиной или гуськом, но и продавали излишки соседям, чтоб купить пла

В номере:

Алексей Ростов
НА РОДИНЕ
•
А. С. Г.
КРОВАВЫЙ СМЕХ
•
И. Владимиров
С РАЗВЕРНУТЫМ ЗНАМЕНЕМ
•
Е. Фест
ПРАВОСЛАВНОЕ ЕДИНСТВО РУССКОГО НАРОДА
•
М. М. Спасовский
АМЕРИКАНСКИЕ КАРИКАТУРЫ
•
Н. Кусаков
ВСЮДУ ЖИЗНЬ
Повесть
(30-ое продолжение)
•
Лидия Норд
ИЗ БЛОКНОТА СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТКИ
(Продолжение)

РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В БУЭНОС-АЙРЕСЕ
сообщает, что назначенный на 12 августа с. г. в зале Дома Русских Белых (ул. Карлос Кальво 2851) доклад А. А. Алмазова на тему
«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
состоится в воскресенье 2 сентября в 17 час. Вход свободный.

тье, белье, обувь. Их скудная жизнь стала чуточку сытнее, чего не переваривают советские партийные кровососы. Произвели в 1955 г. через милицию учет их «живого инвентаря». Выяснилось, что за два только года они, без всяких «соцсоревнований» и прочей марксистской мерзости уже сумели в своих задворках на окраинах городов обзавестись скромным для любой семьи достатком: по всем городам СССР обнаружено 1.100.000 коров и телят, 1.300.000 овец и коз, и 600.000 свиней, которых хозяйки кормят хлебом, зерном сеном, овсом, отрубями, пшеном, картошкой. Теперь это, с 29-го июня с. г., запрещено; кроме того введен денежный и натуральный налог: с коровы — 500 р. и 400 литров молока в год, с овцы или козы — 40 р. и 5 кило мяса, со свиньи — 150 р. и 20 кило мяса; за вторую корову, овцу, козу или свинью налог взимается в двойном размере. Тот же двойной размер налога бьет семью, если в ней, кроме домохозяйки и учащихся детей, есть неработающий на госуд. предприятии взрослый трудоспособный член семьи, т. е., если, например, взрослая незамужняя дочь рабочего вместо поступления на завод ходит дома за коровами, курами, свиньями и тем улучшает стол родителей и своих братьев и сестер или продает кур, яйца, молоко и масло соседям. Если милиция обнаружит, (хотя бы по доносу соседки), что их кормят пшеном, хлебом, картошкой, то взимается в **бесспорном** порядке (т. е. без права обжалования) штраф в 500 р., а во второй раз — 1000 р. Кроме того «по санитарным соображениям» местным властям дано право вообще запрещать рабочим держать скот или домашнюю птицу.

Отметим, что закон не дает никаких льгот инвалидам, которые, по имеющимся сведениям, являются основными хозяевами этих маленьких городских хозяйств. Более подлого и жестокого закона не выдумать! Он грабит тех несчастных, которых на бумаге «осчастливил» закон о пенсиях.

●

Еще более любопытно решение об упразднении впервые в истории СССР союзной республики — Карело-Финской. До сих пор коммунизм только множил «республик-сестер»: в 1923 году — четыре союзных республики (РСФСР, Украина, Белоруссия и ЗСФСР, т. е. Закавказская Федерация); в 1926 году — шесть (прибавились Узбекская и Туркменская); затем прибавились Таджикская, а по конституции 1936 года — одиннадцать (вместо ЗСФСР — три республики: Грузия, Армения, Азербейджан и две новых: Казахская и Киргизская); потом созданы Молдавская — для советизации соседней Румынии и Карело-Финская — для большевизации Финляндии и, наконец, в 1940 году — три республики Прибалтики. Мне довелось встретить в концлагере умершего потом в ссылке поэта Ал. Дм. Протопопова, осужденного на три года за найденные при обыске стихи, начинавшиеся так:

Ты — власть федеративная,
Советская, противная,
Везде одни республики,
Что на тарелке бублики.

На июльской сессии Верховного Совета СССР старшая сестра — РСФСР — сожрала на глазах коммунистической семьи самую слабую из родных сестриц.

Ее возглавлял старейший сталинский холоп: Отто Вильгельмович Куусинен; 75-летний ровесник другого холопа, Ворошилова, он был левым социалистом в Сейме Великого Княжества Финляндского с 1907 по 1917 г., основал в 1918 году финскую компартию и был секретарем Коминтерна с 1921 года до его «самоупразднения» в 1943 г., в 1939-40 г.г. возглавлял сидевшее в советском тылу в Териоках опереточное советское правительство Финляндии и с основания его председательствует в Верховном Совете Карело-Финской ССР, являясь, по конституции СССР, одним из 16 заместителей председателя Верховного Совета СССР. Теперь он униженно доложил на сессии, что Верховный Совет Карело-Финской ССР просит об упразднении республики по трем причинам:

1) в результате послевоенной колонизации Карелии русскими новопоселенцами, на 600 тысяч ее населения приходится: 450 тысяч русских, 110 тысяч карел и 40 тысяч финнов, поэтому целесообразнее включить ее в РСФСР под названием Автономной Карельской ССР, без упоминания о финнах, (к которым относится седовласый докладчик);

2) содержание аппарата Союзной республики обходится слишком дорого; поэтому дешевле обойдется аппарат автономной республики;

3) Республика уже много лет подряд не выполняет плана ни по сельскому хозяйству, ни по лесообработке и лесоэкспорту, — основной отрасли ее промышленности.

Затем выступили с подхалимскими заявлениями карельские рабочий, колхозник и интеллигент, которые противоречиво уверяли, что их республика процветает, но в то же время хозяйство хромает на обе ноги, а поэтому они просят их включить в РСФСР; выходит, что ими плохо правило союзное правительство Булганина, а потому пусть командует «российское» правительство Яснова. Конечно, постановление принято единогласно.

Вся эта комедия в правительственно-административном отношении не имеет никакого значения. Теперь председатель Верховного Совета Карелии будет не 16-м заместителем Ворошилова, а 13-м заместителем председателя Верховного Совета РСФСР Мих. Петр. Тарасова, а в Совете Национальностей Карелия будет иметь не 25, а 11 депутатов; впрочем до новых выборов пленум постановил сохранить полномочия всех 25 карело-финских депутатов; пусть покатаются еще даром в поездах, на пароходах и самолетах и походят даром по театрам, музеям и баням.

Но политически это решение весьма интересно: мы знаем, что у коммунистов всегда проводится очередная модная кампания: то делить министерства на два, а то и на три, то опять сливать их воедино, то укрупнять, то разукрупнять, выражаясь советским стилем, административные районы, научные институты и учебные заведения. До сих пор любили плодить союзные республики, теперь впервые одну из них ликвидировали. В прошлом известно лишь упразднение внутри РСФСР автономных республик за антикоммунизм их населения в годы войны: Крымской, Калмыцкой, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской и Немцев Поволжья.

Отметим, что причины упразднения Карело-Финской республики вполне применимы к другим союзным республикам: заселение русскими и украинцами целинных земель Казахстана уже в 1955 году сделало казахов меньшинством в своей республике; пройдет год, другой и выходцы из РСФСР составят тоже три четверти населения этой союзной республики. То же самое относится к Эстонии, Молдавии, меньше — к Латвии и Киргизии. Соображения же о дороговизне аппарата или о невыполнении плана могут быть приведены в отношении любой автономной или тем более союзной республики, которую захотят упразднить. Не забудем добавить, что массовые ссылки непокорных большевизации эстонцев, латышей или различных кавказских народностей уменьшают процент их населения в названных по их имени республиках. Все это позволяет предполагать в будущем ликвидацию других союзных республик.

●

В ходе реабилитации сталинских жертв отметим провозглашение невиновности расстрелянного в 1937 году польского писателя-коммуниста Бруно Ясенского, автора известного романа «Человек меняет кожу». Теперь освобождена из концлагеря его вдова — латышская коммунистка Анна Берзинь, которой не только дана пенсия, но и поручено подготовить к печати посмертный роман ее мужа «Заговор равнодушных». При аресте ежовские молодцы забрали у Ясенского почти законченную рукопись романа, которую теперь из архивов МВД выдали его вдове для напечатания.

Кроме того посмертно реабилитированы режиссер Всеволод Мейерхольд и расстрелянные, как теперь оказалось, в 1949 году в качестве «безродных космополитов», два известных еврейских поэта: Перец Маркиш и Исаак Фефер. Выпущен на свободу после 18 лет заключения поэт Николай Заболоцкий.

●

Заканчивая настоящую статью, услышал по советскому радио о кончине 2-го августа с. г. кандидата ЦК КПСС и министра судостроительной промышленности СССР Ивана Исидоровича Носенко «после продолжительной и тяжкой болезни». Он много лет возглавлял советское судостроение и дважды был выбран кандидатом в ПК — в 1952 и в 1956 г.г.

Не везет этим второразрядным партийным бюрократам. Не прошло и полугода после выборов ПК на XX съезде и все его члены здравствуют, но уже четвертый из 122 кандидатов ПК умирает, как знают мои читатели: в апреле умер министр промышленности строительных материалов П. А. Юдин, в мае застрелился писатель А. А. Фадеев, в июне умер министр автотранспорта и шоссейных дорог И. А. Лихачев и наконец теперь министр судостроительной промышленности И. И. Носенко. Таким путем число кандидатов ЦК упало со 122 до 118!

Алексей Ростов.

М. М. Спасовский

Американские карикатуры

Перед нами лежат две интересные карикатуры из американских газет от 18-19 июля тек. года.

На одной из них изображены три сидящие на низком пьедестале фигуры: — Неру, плотно закрывший глаза, — Тито, плотно заткнувший уши и Нассер, плотно зажавший рот обеими руками. На пьедестале расхлябанными буквами: — **Нейтралистский блок.** Под карикатурой надпись: — Не вижу, Не слышу, Не осуждаю зла коммунизма.

На второй карикатуре изображена тюремная камера и сидящий в ней за столом с громадной посудиной водки Хрущев, опухший от пьянства и с весьма солидным сизым носом. В руках у него объемистая бутыль с надписью — «Пьянство». На животе американское прозвище Никиты — «Хрущ». На посудине — «Красная мораль чахнет». Под карикатурой значится: — «Его чашка переполнена».

Появление в американской печати таких политических карикатур, довольно злых и едких, конечно, не случайно. По ним, в частности, как и по некоторым другим признакам, о чем мы будем писать специально, можно судить о том, что ныне внешняя политика САСШ осуждает нейтрализм, очевидно, не без основания усматривая в нем явное пособничество мировому злу — коммунизму, чем бы и как бы г-да нейтралисты ни прикрывали это свое пособничество смертоносной красной язве, — и что не совпадает с сегодняшней политикой Вашингтона.

Что касается Хруща, то, действительно, его разлюли-карьера фактически кончена. Можно уверенно сказать, что если Хруща его ком-товарищи еще не убили, то во всяком случае он уже самоубился.

Принцип коллективного ком-управления страной завершается потоком скандалов на внешнем фронте и глубокими трещинами на внутреннем. Уже обозначилась оппозиция Хрущеву в лице Молотова, Маленкова и Кагановича, — формируется тихой сапой и третья группа в Кремле, отгораживающаяся и от Хрущей и от Маленковых с Кагановичами.

Чем же все это кончится?

Тут возможны только два формальных ответа: либо военной диктатурой, либо распадом России в смуте гражданской войны.

Но возможен и третий ответ, **фактический:** на кабак, разъедающий коллектив красных пауков, народ ответит всесмывающей волной своего гнева. Не тот народ, который изнывает в совхозах, колхозах и концлагерях, а тот, которым насыщен невероятно распухший, бюрократический аппарат СССР со всеми его бесчисленными управлениями, конторами и канцеляриями, начиная с министерских и кончая полковыми и ротными.

Правда, везде сидят коммунисты и их охранники — чекисты, — правда и то, что все пропитано сексотами и предателями. Но вся эта нечисть, грязь и подлость господствует лишь потому, что массы народные придушены террором.

Придушены-ли настолько, что воля и разум русского подъяремника сведены к нулю? Та же американская разведка говорит фактами и картами, что СССР кипит то тут, то там вспыхивающими возмущениями. Значит, в русском человеке еще живет его русскость, еще теплится в нем тяга к свободе и к человеческой жизни, — теплится тот священный огонек, который согревает его душу горячей надеждой на свое лучшее будущее, на свое освобождение от позорных и каторжных цепей красного ига...

Освобождение России придет и не только потому, что мы, изгнанники, жаждем этого освобождения, но главным образом потому, что коммунизм изжил весь свой заряд и никакая поддержка его извне уже не в силах помешать пока еще незримому, но идущему освободительному процессу.

М. М. Спасовский

А. С. Г.

Кровавый смех

Странная, разношерстная компания собралась 28-го марта 1834 года за столом Веньямина Анперта, почитателя Бальзака, в его доме на улице Кассини. Кроме хозяина дома и его друга — писателя, на обеде присутствовали лорд Дерхэм, защитник и благотворитель узников английских тюрем, и мистер Боуринг; оба приехали в Париж чтобы познакомиться с отцом и сыном Сансон, палачами, обезглавившими Людовика XVI и королеву Марию Антуанету. Сансон-младший сидел за этим же столом среди других приглашенных и тут же восседал Видок, знаменитый бандит, ставший полицейским, которого Бальзак вывел под именем Вотрэна в своем романе «Ле пэр Горио».

Не менее странными были и разговоры собравшихся, переданные Анпертом в его воспоминаниях.

Лорд Дерхэм: — Сколько голов вы уже отрезали, господин Сансон?

Сансон: — Триста пятьдесят, милорд.

Боуринг: — Вы очень волнуетесь, привязывая этих несчастных к доске?

Но, оказывается, все приготовления к казни делаются помощниками Сансона — он лишь дергает за веревку, чтобы опустить нож гильотины. Другой присутствующий — француз — интересуется, чувствуют ли что либо, по наблюдению палача, смертники после того, как голова отделена от туловища.

Сансон: — Да. Лицо содрогается, глаза двигаются и голова, как бешеная. Я помогал отцу, когда он был принужден казнить бедного Людовика XVI, которого вся наша семья так любила. Когда отец поднял голову за волосы, чтобы, согласно данного ему приказания, показать ее народу, лицо сохраняло еще выражение кротости и благородства, и мой отец чуть не лишился чувств. К счастью я был тут же, я его, пользуясь своим большим ростом, заслонил и его слезы не были замечены. Иначе его волнение в то время послужило бы достаточным поводом для нашей жизни.

И далее Сансон поцествует, как отец его уговаривал наследовать звание «мосье де Пари», звание палача города Парижа, которое уже более ста лет, принося хороший доход, передается наследственно в их роду. Сансон-отец закончил свои наставления сыну следующими словами: «ты будешь жить спокойно и никто не будет иметь права вмешиваться в твои дела».

Впечатление от описываемой Сансоном семейной идиллии нарушил Видок:

— «Отец ваш должен был бы еще прибавить: кроме тех, кому ты будешь резать шею».

Сансон обиделся:

— «Мосье Видок, без шуток, ведь я рассказываю исторические события».

Неизвестно как реагировали прочие присутствовавшие на гнусные воспоминания палача и на кровавый смех бандита Видока, надо думать, что все это их мало покоробило. Нравственный облик этих людей, переживающих начало дегенерации Франции, после «Великой Революции» и кровопускания «Великого Наполеона», дает нам Бальзак устами того же Видока-Вотрэна в указанном выше романе. Говоря о князе Талейране-Перигор он восклицает: «Князь, в которого каждый бросает камень и который достаточно пр[illegible]ает человечество, чтобы выплюнуть ему в физиономию столько присяг, сколько оно их потребует от него, воспрепятствовал разделу Франции на Венском Конгрессе. Его должны были бы украшать венками, а в него кидают грязью»!

Что значит кровь короля, подлое убийство герцога Энгиенского, троекратные измены Талейрана. Украшай этого сообщника убийц и трижды клятвопреступника лавровым венком!

Что значит кровь русского Царя и миллионов русских людей для Нобелевского Лауреата (бедный Нобель, кому только не присуждают его премию), английского философа и проповедника создания международного сверхправительства Бертрана Ресселя, когда он в 1922 г. отправляется в Москву, чтобы разделить с большевиками восторги по случаю победы революции. Он разговаривает с Лениным.

«Когда я ему, — сообщает Рессель, — поставил вопрос об осуществлении социализма в деревне, он мне с восторгом рассказал, как он натравил бедняков на кулаков и как они их перевешали на ближайших деревьях. Ха, ха, ха...»

Этот громкий, диавольский смех садиста-сифилитика, владеющего одной шестой частью земного шара, слегка смутил английского гостя.

Но постепенно «кровавый смех» становится традицией и в международных отношениях. Он снова звучит в Ялте, когда Сталин и Рузвельт договариваются о выдаче большевикам 50.000 «военных преступников». Черчилль протестует, требуя назвать их хотя бы по именам, но Рузвельт со смехом восклицает: «Не будем огорчать Уинстона, не 50.000, мы согласны на 48.000. Ха, ха, ха...» И смеху расслабленного демократа Рузвельта вторит «старый милый Джо». Картина достойная переживаемой нами эры «коэкзистенции».

Трогательны и полны значения «улыбки Женевы». С обворожительным смехом передаются подарки для внуков Жукова и вместе с ними предается, чтобы подчеркнуть жест в сторону советского маршала, на смерть и на мучения мальчик Лысиков.

Не тот же ли диавольский смех был на душе чинов Палестинской бригады Британской армии, выдававших советам казаков в Лиенце. Та же улыбка была и на лицах чинов Си-Ай-Си, предательски заманивших в Платтлинг в вагоны власовцев и, вместо обещанной работы, предавших их в застенки НКВД.

Миром потеряны все христианские масштабы и арбитром дозволенного стал диавол.

В свое время газеты сообщали о царствующей в Женеве атмосфере восторга. Представители Запада, будто под влиянием общественного настроения своих народов, считали необходимым, или делали вид, что считают необходимым, идти на всяческие уступки Советам. Они ликовали, когда Советы перестали называть их в лицо разбойниками-империалистами и восклицали: «Какие милые люди». Дошло до того, что концентрационные лагери начали считать нормальным явлением русской действительности и расстрелы солдат, отказавшихся стрелять в восставших рабочих Берлина, правильными: «Имеют же, мол, Советы право защищать плоды своей победы».

Когда в восьмидесятых годах прошлого столетия русские отряды подошли к Афганистанской границе, в Европе запахло войной, а теперь красным отдают весь Китай, не противятся захвату Индии, Цейлона и т. д. Когда вспыхнуло польское восстание против Царского Правительства, вся Европа встала на защиту польских националистов. А как реагирует теперь «демократический» и «свободолюбивый» Запад на восстание рабочих в Познани? — Посылкой хлеба в Польшу, хлеба, который, конечно, не дойдет до населения, а будет распределен между красными насильниками.

Один лютеранский деятель недавно заявил: «Говорят, что голос народа есть «глас Божий», но всеже надо помнить, что голос народа не непременно «глас Божий». Он глубоко прав. В наше время голоса народов, безверных и одичалых, перестали быть «гласом Божиим», но и современные правительства перестали выражать волю своего народа. Разве можно в наше время говорить о политике французов, англичан, американцев, не правильнее ли говорить о политике тех небольших групп, которые теперь руководят этими странами. Не верю, чтобы королева английская выражала волю своего народа, принимая Хрущева и Булганина. Хотя это было до признаний, сделанных этими убийцами на XX съезде, но и тогда правительствам Европы было доподлинно известно, к какому разряду каторжан принадлежат эти гости английской королевы.

К сожалению авторы статей в русских эмигрантских изданиях до сих пор продолжают говорить о «наивных американцах», «доверчивых англичанах» и «легкомысленных французах», которые не предвидят последствий их заигрывания с Советами, их «Женевских улыбок» и их проповеди «коэкзистенции». Такие мнения вводят читателей в заблуждение. Правители Запада, я не говорю народы, отлично осведомлены о большевизме и обо всем творящемся в Союзе. На разведку ими тратятся огромные суммы (ведь только крохами от «разведовательного стола» питается и питается не плохо, целый ряд эмигрантских организаций, партий и комитетов). Как Западу не знать, что собою представляет советский режим и советская действительность!

Если отбросить наивное представление о неосведомленности Запада и приглядеться внимательно, без предвзятости, к творящемуся вокруг нас, то невольно напрашиваются выводы совершенно отличные от тех, что читаешь в эмигрантской печати. Достаточно, для примера, проследить политику Запада хотя бы в Югославии: немцы занимают страну, генерал Михайлович продолжает борьбу с Гитлером на стороне его противников; лишь значительно позже в борьбу с немцами вступает коммунист Тито. Борьба закончена и националистов вместе с их вождем предают, а коммуниста Тито возвеличивают, снабжают деньгами и оружием. Какова роль этого человека, — не то «ангела мира», не то посредника между Западом и Москвой. Во всяком случае его поездки в Лондон, Париж, Москву и т. д. больше свидетельствуют о наличии дружественных переговоров, нежели на вражду двух миров: «свободного мира» и «красной диктатуры».

Нужно быть до крайности слепым, чтобы не заметить того, что каждый раз, когда слабеют большевики, правительства Запада протягивают им руку помощи. Нужно ли напоминать русским то, что за 36 лет нашего пребывания в эмиграции ни разу не прозвучало значительного слова в защиту России. Наоборот, наперекор здравому смыслу и пользе своих же народов, политики Запада делают все, чтобы сохранить власть Советов над нашей родиной. И кажется порою, точно истребление русского народа входит в планы политиков Запада.

Наивными оказываются не американские, английские и французские политики, а мы, с закрытыми глазами верящие, что придет «американский дядя» и спасет нас. Никто из западных политиков не хочет восстановления России.

Характеризуя современное нам общество Соединенных Штатов, Рейнгольд Нибур говорит, что оно стало «безличным и аморальным», и что нравственно сохранившаяся личность живет в нем жизнью «сомнения и отчаяния». И верно, есть от чего придти в отчаяние. Разве может человек, переставший носить в себе образ Божий быть созидательным членом общества? Что станет с народом, голос которого перестал быть «гласом Божиим» и с государством, правители которого не имеют элементарных понятий о христианских идеалах. Что ждет впереди человечество, ставшее на этот путь. Пошлость, пустота, обезличиванке, дегенерация и... гибель! Скоро кровавый смех правителей превратится для народов в кровавые слезы.

Какой выход из этого положения, которое не менее водородных бомб, угрожает Западу, а, может быть, и всему человечеству концом. Вот вопросы, которые назойливо и повелительно теснятся в голове.

Лишь пробуждение совести народов и возврат к вечным идеалам спасет человечество. И наша задача состоит в том, чтобы будить эту совесть и звать к светлому будущему через веру в Христа. Не это ли есть миссия нашего рассеяния.

А. С. Г.

ВНИМАНИЮ

г.г. ПОДПИСЧИКОВ!

Ввиду полной невозможности справляться с текущей работой и острой необходимостью сокращения расходов, контора газеты должна отказаться от принятой нами системы подтверждения получения подписной платы в форме писем и ограничиться в будущем лишь соответствующим изменением цифры, поставленной красными чернилами на бандероли каждого номера газеты. Мы очень просим г.г. подписчиков внимательно следить за этими цифрами, указывающими срок окончания подписки и в случае какой-либо неточности извещать контору газеты немедленно.

Вышеизложенное не касается наших подписчиков во Франции и в Бразилии, где учет подписной платы ведется представителями Редакции.

Группа больных и престарелых русских, проживающих в старческих домах в Голландии просит русских людей высылать прочитанные номера «Православной Руси» и «Нашей Страны», а также и другие прочитанные православные национальные русские газеты и журналы по адресу:

Dr A. F. Leper, St. Elisabeths Gasthuis. Arnhem. Holland.

ЛИДИЯ НОРД

Из блокнота советской журналистки

(Продолжение)

— Господин майор! — говорю я коменданту, остановившемуся против нас. — Этих людей эвакуировали по приказу немецкого командования. Они прошли в мороз двадцать километров, устали, голодны, промерзли. В таком состоянии они не могут работать. Кроме того многие имеют ваши листовки, где написано, что вы зовете их к себе, обещаете накормить, дать приют и работу.

— Молчать!!! Не забывай, что ты военнопленная!!! — подскочил ко мне переводчик.

— Я знаю, что я военнопленная, — отвечаю ему по-немецки. — И я обращаюсь к господину майору, а не к вам.

— Где вы изучили немецкий язык? — спрашивает меня комендант. Я отвечаю.

— Вы ранены?

— Да. Ранена и контужена.

— Почему вы не сдались в плен добровольно?

— Господин майор, что бы вы ответили, будучи на моем месте, на такой вопрос?

Комендант молча смотрит на меня и как будто что-то обдумывает. Переводчик напряженно следит за лицом начальства.

Через несколько секунд, майор спрашивает у меня:

— Чего же хотят в конце концов от меня эти люди? Куда они хотят итти?

— Они просят дать им ночлег здесь, в городе, просят дать возможность отогреться и...

Звериный крик прерывает меня. Женщина дико смотрит на замерзшего сына, которого развернула чтобы перепеленать.

Тело ребенка с глухим стуком падает на пол. Теряя рассудок, мать раскачивается без слез. Подняв трупик, она прижимает его к себе и баюкает.

Майор не выдерживает, отворачивается.

— Отведите этих людей на кухню, — говорит он переводчику. — Пусть их там покормят. Потом отправьте их в лагерь для беженцев. Накормить и их, — приказывает он нашему конвоиру. Здоровых поместить в комнате наверху, рядом с фельджандармерией, раненых и больных, когда поедят, приведите сюда. Они будут отправлены в лазарет.

* * *

— Вы курите?

Вздрагиваю и открываю глаза. Все тот же коридор комендатуры, где мы ждем отправки в лазарет.

Передо мной переводчик. В белой выхоленной руке раскрытый портсигар, наполненный сигаретами.

Курить хочется страшно.

— Благодарю. Я не курю, — отвечаю я и проглатываю липкую слюну.

Портсигар передвигается к соседкам. Все отказываются. Переводчик закуривает сам и прячет портсигар. Окутывая нас папиросным дымом, он пытается узнать, кто мы? Кто наши родители? Где мы жили?

Я всматриваюсь в его красивое, странно знакомое лицо, и напрягаю память. Но для нее, усталой, слишком большая работа перебрать всех, с кем приходилось сталкиваться за всю мою богатую встречами жизнь. Но все-таки мне памятны эти вкрадчивые манеры и интонации голоса.

— Мы, кажется, с вами встречались?

Его глаза меняются, заволакиваются ледяной пленкой. Этот настороженный взгляд мне тоже знаком. Но где? Когда?

— Возможно да, возможно нет, — отвечает он сдержанно. — До войны я работал научным сотрудником в псковских музеях. Вы бывали там?

Вспоминаю свои поездки в Псков. Людей, с которыми там встречалась. Нет. Я почему-то твердо уверена, что это было не в Пскове.

Появление начальника жандармерии прерывает наш разговор.

Переводчик вытягивается по-военному и вполголоса рапортует ему о партизанах и о каком-то старосте, занимающемся поимкой таковых.

— Передайте ему, что он получит по 200 марок за каждого партизана, — говорит офицер и достает из кармана какие-то списки.

Переводчик указывает на нас глазами, потом что-то шепчет на ухо начальнику. Они выходят в соседнюю комнату.

В это время появляется новый конвой для отправки нас в лазарет.

* * *

— Посмотрите! Посмотрите, что эти сволочи делают! — крикнула нам стоявшая у окна товарка.

Вскочив с постелей, мы кинулись к окну. Наша палата выходит окнами на небольшую городскую площадь. На противоположном углу группа немцев и переводчиков комендатуры. Между ними два связанных по рукам юноши. Один из немцев на балконе двухэтажного домика деловито пропускает между перил веревку с петлей.

Маленькая старушка с криком подбегает к этой группе. Платок ее сбился на затылок ,и седые волосы разлетаются по ветру. Она бросается на шею одного из приговоренных. Солдаты отрывают ее и оттаскивают в сторону. Старуха падает на колени перед переводчиком и, охватив его ноги, ползает за ним. Тот отрывает ее руки и с силой толкает ее сапогом в грудь. Раскинув руки, старуха падает на каменные плиты тротуара...

* * *

Прошло около двух лет. В одном из небольших женских лагерей «остарбайтеров» праздновались сразу несколько именин. Приехал жених одной из именинниц, унтер-офицер РОА, и вместе с ним офицер в форме немецкого капитана. Я узнала его, как только он вошел, это был бывший переводчик комендатуры. Под предлогом неотложной работы я удрала с именин, прежде чем нас успели познакомить.

Вскоре через унтер-офицера, жениха знакомой, узнаю, что этот заезжий капитан «посетил» лагери военнопленных, в том числе и офицерский, где долго беседовал «по душам» с пленными. Через несколько дней туда явилось Гестапо и переарестовало многих. В большинстве тех, кто перед тем подал заявления о желании вступить во Власовскую армию. Аналогичные случаи произошли после «визита» этого капитана и в других лагерях военнопленных.

* * *

Кончилась война. В начале 1946 года я работала в одном из учреждений союзников. В это время в город прибыла советская военная миссия. Она возглавлялась статным полковником, украшенным многими орденами. Мне стоило раз увидеть этого полковника, чтобы потом избегать попасться ему на глаза. Это был переводчик — позже немецкий капитан. И тут внезапно провал в моей памяти заполнился. Теперь-то я вспомнила, кем он был до всех перевоплощений. Если бы я не боялась быть похищенной советами, то подошла бы к нему и сказала: «капитан государственной безопасности, помните, когда я была военнопленной, а вы переводчиком у немцев, я не могла вспомнить, где встречалась с вами. Теперь я вспомнила, вы были начальником НКВД в К., а я приходила к вам за «особым разрешением» на право пользования архивом городской библиотеки. И вы долго опрашивали меня, прежде, чем выдать таковое».

* * *

Отступая под натиском немцев, Советы оставляли в тылу у врага своих тайных и явных агентов из доверенных сотрудников НКВД. Они устраивались переводчиками при немецких комендатурах, штабах и занимались шпионажем. Чтобы получить доверие оккупантов, они помогали немцам уничтожать русский народ. В жестокости обращения с населением они превосходили немецкую жандармерию и Гестапо. Этим выполнялось их второе задание: — обострять отношения между немцами и населением и уничтожать, под видом коммунистов и партизан, тех, кто имел наивность искать здесь спасения от большевизма.

В Харькове один из сотрудников НКВД долгое время был личным переводчиком начальника Гестапо. Он прославился своей жестокостью. Прислуживаясь к начальству, он силой доставлял красивых девушек для кутежей офицерам. Эти же девушки потом расстреливались вернувшимися Советами «за связь с немцами».

В Старой Руссе комендантом лагеря военнопленных, где в сутки умирали сотни бойцов, был тоже сотрудник НКВД, пользовавшийся за свою жестокость с пленными полным доверием немецкого коменданта.

Советская власть была прекрасно осведомлена о всех действиях своих резидентов. Что для нее значили тысячи умерших от голода и издевательств, заеденных вшами, пленных и тысячи погибших от холода, голода, расстрелянных и повешенных невинных людей. Все это пустяки, надо было бороться за спасение советской верхушки. И власть, оценив по заслугам «преданность и проявленную энергию» таких работников, наградила их потом орденами и поручила им иные «ответственные» задания.

Советский народ об этом не знает. Свидетели-жертвы молчат. Одни зарыты в неведомых, ничем не отмеченных могилах, другие изолированы в концлагерях. А редкие, оставшиеся чудом в живых и на воле, тоже будут молчать, ибо молчание дороже золота, — это жизнь.

Кому из советских граждан придет в голову безрассудная мысль осуждать вслух средства и методы, которые применяет правительство для спасения советской власти и для достижения своей высокой цели, торжества мирового коммунизма.

(Продолжение следует)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
прием подписки
на
еженедельную
газету
«НАША СТРАНА»
орган
монархической
мысли
под редакцией
Вс. Дубровского

В газете
сотрудничают:
А. Александров, Аслан-бек, А. Беденков, М. Бойков, Н. Былов, Инж. Вальдемарс, И. Владимиров, С. Л. Войцеховский, Г. Н. Гулак-Артемовская Н. Жигулев, А. П. Заустинский, Проф. М. В. Зызыкин, П. П. Крачковский, Н. Кремнев, Н. Кусаков, А. Ламберт, Б. Ликов, И. Марьянов, Г. Месняев, К. Н. Николаев, Лидия Норд, Феоктист Орлов, Ник. Павшин, Н. Потоцкий, Алексей Ростов, Василий Ржевский, Лидия Рындина, Полк. С., Е. Саянова, Г. Сосунов, М. М. Спасовский, К. Стоянов, В. К. Федонюк, Евгений Фест, Проф. Б. Н. Ширяев, Р. Чонгар, Н. Удовенко и другие.

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит те затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

«НАША СТРАНА»

существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

«НАША СТРАНА»

— газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции.

Н. Кусаков

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

(Записки вождеградского архивариуса)

ПОВЕСТЬ

(30-е продолжение)

— Ну, так что ж. Их и надо преодолеть. К победе идем.

—Ладно! — махнул рукой Вася. — Победа там победой, а что у меня из жизни ком получается, так это я лучше всякой победы понимаю. Прощай.

Они пожали друг другу руки.

Путь от техникума домой лежал мимо магазина «Гастроном», и здесь Василия ожидала неожиданность. Последняя выразилась в виде Семки Рабиновича, который крепко хлопнул его по плечу.

— Здоров, старый друг! Ты что? Забурел? Кончил техникум, так и узнавать перестал?..

В самом деле, Вася был так погружен в свои думы, что никого не замечал. Он был рад встрече. Они давно не виделись. В стрелковом клубе Вася не бывал давно, в хлебном снабжении последнее время было некоторое облегчение, и в специальных встречах надобности не было. (Зачем зря беспокоить приятеля?..)

Они не виделись с того дня, когда Сема Рабинович, в числе других приятелей, был у Васи на «свадебном пиру». Теперь они стояли один против другого и, крепко пожимая руки, улыбались.

— Ну, что?..

— Ну, как?..

— Да, вот...

И Вася рассказал приятелю о нависшем над ним несчастьи. Сема внимательно слушал. Выслушав историю до конца, он помолчал и, пытливо глядя на Василия,произнес:

— А я думаю, что имею такую касторку, которая тебя может вылечить. Пойдем-ка со мною, да потолкуем. Семка Рабинович, он, знаешь, хитрый парень и иногда что-нибудь может сделать хорошего.

Они вошли в магазин, прошли зал и по узким проходам проникли в клетушку под лестницей. Обычно такие помещения устраиваются, чтобы складывать метелки или лопаты, но Рабинович пробил окно, установил здесь столик, провел сюда телефон и обосновал здесь кабинет помзавмага, каковым он являлся. Редко кто умел так просто и по-дружески принять приятелей, как этот малый, просто и уверенно нашедший свое место в жизни. Он не гнался за положением; заработки и почести его не интересовали. Искусство и наука были далеки от практики жизни. Он знал, что возле продуктов питания он никогда не пропадет и даже будет сыт, одет и обут. Так и было.

На столе появился хлеб, сыр, сардины и водка.

— Выпей против огорчения.

Проголодавшийся Василий набросился на закуски. Они налили «по единой», чокнулись, выпили и крякнули.

— Хорошо!

— Одним словом, Вася, если это тебя устраивает, я могу тебе помочь. Тебе нужно устроиться на работу в городе. У меня есть место. Конечно, не по твоей специальности. Дело в следующем. Мне нужен кладовщик.

Вася опешил. Он никогда не думал, что после ряда лет упорного труда над книгами, он может оказаться кладовщиком. Рабинович продолжал:

— У меня получается такое положение. Кругом жулики... — Понизив голос, он высказал: — Просто люди недоедают, потому и воруют. Ну, так я же понимаю, что можно украсть, но надо же знать меру. А то, как возьмешь человека, он сначала туда-сюда, а через неделю его надо выгонять, чтобы он не засыпался прежде, чем он схватит «семь-восемь» с десять лет...* Ну, спасаешь одного, другого, третьего, а потом, чорт возьми, надо же и работать! Вася, я знаю, ты такой человек, что я на тебя смогу надеяться. Ты, я знаю, даже и по честному не будешь красть, а что можно брать, я сам тебе буду сказать... Скажу. — поправился Рабинович. — Брось ты эту самую науку ко всем чертям. От нее ты сыт не будешь, а здесь ты будешь иметь все, что нужно и не больше.

Рабинович стал рисовать Васе картину спокойной и удобной работы в городе. Ему очень хотелось и помочь приятелю и приобрести честного работника, и показать, что он что-то может сделать. Развеселившись от выпитой водки, он стал объяснять Васе, что как бы ничтожно ни было жалованье, работники снабжения всегда имеют свою долю за счет утруски, усушки, сырости и прочих подробностей. Надо только знать меру.

Василий думал свою думу. Что важнее: остаться в городе или работать по избранному пути? Его привлекала не «сытая» работа, а шансы не уезжать из насиженного места, не заклиниваться в деревенскую глушь. Но в то же время это обозначало покинуть мечту о научной работе, и ему было жаль расставаться с «бактериями».

— Слушай! — вдруг прервал он словопоток Рабиновича. — Все это так. Допустим, я решусь на такой шаг... Но, ведь, райком-то от этого никуда не денется. А без его санкции и ты, пожалуй, не посмеешь принять меня.

— Райком? Что значит райком? Это кто? Казюк или может быть Коган?

—Ну да. Они.

— Так они же оба у меня вот здесь вот. — Он похлопал себя по карману. — Они же от меня зависят в удовлетворении их моральных потребностей.

— То-есть?

—И если я приду и скажу им, что мне надо честного кладовщика, то они мне утвердят без запинки это дело.

— Да. Но моральные-то потребности-то причем же?

— Ох, какой же ты наивняк. Они хотят кушать, или не хотят? Я тебя спрашиваю. Вот и вся мораль.

— Так у них же есть закрытый распределитель.

— Что значит закрытый распределитель? А может быть, товарищу Когану, или кому-нибудь из райкома хочется иметь немножко еще?.. И тогда он приходит к товарищу Семке Рабиновичу, потому что он не смеет придти прямо к завмагу, и напоминает, что у товарища Рабиновича был папа, который при НЭП-е держал таки хороший магазин и был лишенцем. И тогда товарищ Семка Рабинович вспоминает про утруску и про усушку, и про то — что и куда надо записать, чтобы все были довольны. И тогда постепенно у жены товарища Казюка приезжает откуда-то серебряная лисица, а товарищ Коган имеет икру, чтобы отпраздновать свой день рождения, или я знаю, что ему еще надо праздновать?

— Так они же, с... с..., тебя доят, как козу! — Вася отозвался о партийных вельможах не совсем красивым словом, которое мы здесь опускаем.

— Ну, так что же? Они меня немножко доят, и я их немножко дою. И все очень просто. Одним словом: хочешь, или не хочешь?

Они расстались на том, что Вася посоветуется дома, тем временем Рабинович найдет удобный момент поговорить с Коганом, и дней через пять придет снова в «Гастроном». Вася понимал, что Рабинович несколько преувеличивает свои возможности сделать протекцию, что ему хочется прихвастнуть, но все-таки... Чем чорт не шутит? Как бы то ни было, дружеское участие живо тронуло Василия.

Подходя к отцовскому дому, чтобы посоветоваться с родителями в решении такого важного вопроса, он уже склонился к мысли «сменять ученую деятельность на чечевичную похлебку», чтобы только остаться в Вождеграде. Андрей Васильевич не соглашался, но потом пришли к соображению, что, как временная мера, это может быть и удобным вариантом. Вера только рада была. Вася затянул свой отъезд на несколько дней, сказавшись больным. Его бумаги могли подождать в РайЗО. Ждал условленного пятого дня, и только мучил червячок сомнения — не слишком ли преувеличил Семка свои возможности.

Но, как неожиданно началась для Васи эта страничка, так неожиданно она и кончилась. На третий день в местной газете появилась информация об аресте группы «темных дельцов», которые присосались к магазину «Гастроном» и занимались самоснабжением и срывали планы рабочего снабжения. Арестованные обвинялись по закону от 7-го августа 1932 г. В числе арестованных был и С. Рабинович. Коган с Казюком все-таки «выдоили» сына бывшего лишенца.

Газета была снабжена передовой, в которой враги народа и нарушители закона о социалистической собственности клеймились позором, в которой автор требовал от прокуратуры принятия суровых мер. Статья была подписана секретарем райкома комсомола тов. Коганом.

Варвара Петровна и все прочие искренне порадовались, что Вася не успел поступить на место, которое, как оказывалось, было хотя и прочным, и незаметным, но настолько опасным. Вася от души пожалел приятеля и в происшедшем случае увидел указание судьбы — не менять стремление к серьезной работе на «чечевичную похлебку».

Итак, надо было ехать в Бахтызино. Надо было расплачиваться за бесплатное ученье. Кончив курс, он был обязан отработать свое ученье там, куда его посылали, не считаясь ни с какими обстоятельствами его личной жизни. Приходилось делать работу, какую прикажут, работать там, где прикажут, получать за труд, что дадут. Василий Митин, как и сотни тысяч его сверстников, был со всех сторон ограничен документами, у него было столько прав, что все они, переплетаясь с правами государства, превратились в ограничения и вместо прав стали обязанностями. От жизни остались регламент, нищета, лишение элементарной свободы личности и беспросветные будни, вырваться из которых не было никакой возможности.

— Приходится ехать, — объявил он Вере.

И тут же пришла новая беда. Разумеется, Вера решила, что поедет с мужем в Бахтызино. И тут же выяснилось, что без разрешения она с мужем ехать не имеет права. Право на труд у нее отбирало право на семейную жизнь. Начались новые хлопоты.

Библиотека Веру не отпускала. Вера уже была оформлена и закреплена. На нее был заполнен трудовой список, она была опутана печатями, подписями, резолюциями. Конституционное право на ученье и право на труд лишили ее человеческого права ехать с мужем туда, куда он был назначен на работу.

Когда Вера пришла домой с этим известием, Вася обозлился и решил добиваться своего. Взяв с собою брачное свидетельство, он отправился в РайОНО, которому была подчинена библиотека. Брак был законный, оформленный. Разумеется, на их отношения могли не обратить внимания, если бы они жили без записи, но ведь запись была сделана! В анкетах они оба с гордостью молодых супругов написали: он — женат, а она — замужем. Вася считал, что закон на его стороне, и что свое право жить со своей женой он сумеет доказать.

Его принял замзав РайОНО. Предъявив документы, Вася действительно без труда доказал, что он женат, это не отменяло обязательств, которые несла Вера. Брачная запись не помогла. Вася стал спорить. Замзав отнесся к нему сердечно, выслушивал его, соглашался и возражал. Каждый из них говорил о правах и об обязанностях. В конце концов, замзав соглашался с Васей, но он тоже был подчиненным человеком, над ним был закон и, наконец, сам он был представителем советской власти. Власть требовала подчинения. Замзав объяснил Васе, что помочь ничем не может. Вася говорил сдержанно, тщательно подбирая слова, но постепенно его терпение истощалось. Он готов был надерзить. Замзав еще раз объяснил ему положение вещей.

(Продолжение следует)

---

* «Семь-восемь» — технический термин для закона от 7-го августа 1932 г. об охране социалистической собственности. Ничтожное присвоение соц. собственности по нему ведет к осуждению на десять лет концлагерей. Более значительное обозначает расстрел.

И. Владимиров

С развернутым знаменем

Время от времени в так называемом демократическом лагере наблюдаются попытки освещения вопроса о монархии, о работе эмигрантов-монархистов, их взглядов и т. д., причем все эти попытки крайне тенденциозны, явно злонамеренны и вдобавок сопровождаются бесспорным искажением истины, которую лица, горделиво считающие себя сторонниками возвышенных и нетленных принципов демократии, могли бы уважать с несколько бо́льшей пунктуальностью.

Такой попыткой проникнуть в область монархического мышления и активности монархистов является статья г-жи Кусковой в газете «Новое Русское слово» от 24 июля 1956 г. Существенного, дельного, заглядывающего в глубину монархического миросозерцания ничего не сказано, автор отделывается банальными фразами и утверждениями, в некотором роде прогнившими стрелами, вытянутыми из старомодного либерального колчана, с которым Россия свела печальное знакомство уже давно. Ввиду того, что этот новый выпад против монархии и нашего Народно-Монархического Движения носит характер несомненной диффамации, пусть и выраженной не в грубой форме, и может привести в смущение некоторых маловдумчивых и неопытных читателей, я остановлюсь на рассмотрении наиболее скользких мест этой статьи, главным образом того, что касается нашего Движения и его идеологии.

Недоброе намерение свести к нулю Движение, созданное Иваном Лукьяновичем Солоневичем проскальзывает самым наглядным образом из сопоставления самого́ нашего покойного идеолога с его последователями, продолжающими начатое им дело. Выразив необходимую для приличия долю почтения почившему, авторша тут же присовокупляет, что после его смерти Движение пошло на смарку, опустилось и отошло в идейном смысле к эпохе 17-го века. Нынешние, мол, последователи этого политического мыслителя проникнуты настолько отсталыми взглядами на самодержавие, на народное представительство, на все факторы современности, что остается глубоко пожалеть о смерти этого человека, которого г-жа Кускова не колеблясь называет умным, что делает ей честь и в чем разногласий у нас с нею, конечно, не имеется.

Но вывод из этого комплимента ясен — народная монархия сама по себе заслуживает внимания, создатель ее доктрины мог бы быть полезен для России, но вот те, что получили в свои руки это ценное идейное наследие, как блудные сыны расточают его без всякой пользы, искривляют-де все идеи покойного, короче, не только не достойны внимания, но, наоборот, заслуживают самого строгого порицания. Такое суждение является самой неделикатной фантастикой и любой читатель «Нашей Страны» или посетитель собраний Нар.-Мон. Движения может наглядно убедиться, что никаких отклонений ни в нашей прессе, ни в устных выступлениях мы никак не допускаем, и потому говорить, что Движение, созданное Иваном Лукьяновичем, приняло какие то уродливые формы и опустилось, объясняется по меньшей мере весьма плохим знакомством с нашей монархической литературой и с нашей деятельностью. Газета «Наша Страна», правда, видоизменилась, не по духу, а лишь по форме, иначе не могло бы и быть, — ведь, как правильно говорит наш редактор Всеволод Константинович, — заменить Ивана Лукьяновича некем. Газета попрежнему выполняет заветы своего основателя, попрежнему мы все отстаиваем идеи Монархии, несомненно с меньшим искусством, но с тою же горячностью и последовательностью, которые были характерны для этого подлинного баяна национальной России и царской власти. Вдобавок сам же автор разбираемой статьи неосмотрительно попадается в тенета расставленные им для нас, цитируя слова Ивана Лукьяновича, именно подтверждающие и наше и его крайне нелестное мнение о нашем прежнем народном представительстве: «Нам нужно народное представительство, но нам нужно также, чтобы Царь мог его контролировать, а не оно контролировало бы Царя». Следующая затем в подлиннике фраза покойного: «Государственной Думой мы сыты вот уже 30 лет» почему то боязливо опущена в статье. Очевидно было, все таки, неудобно только что перед этим почтительно отозвавшись о талантливом публицисте, процитировать такую мало лестную для нашего парламента и кощунственную для республиканских ушей оценку Думы. Спрашивается, почему же ставить нам в упрек нашу малую симпатию к современным партийным парламентам, копией которых являлась Дума, наше мнение, что «только Царь спасет Россию от нового партийного рабства», когда самому инициатору тех же мнений уделяется эпитет умного человека, о смерти которого можно только пожалеть.

Не будем себя обольщать — дело вовсе не в воздаянии похвал Ивану Лукьяновичу, им вполне заслуженных. Цель этих комплиментов по его адресу ясна — путем восхваления ушедшего в другой мир основоположника ярче подчеркнуть критику его почитателей и последователей, дать оттенок некоей беспристрастности и обоснованности этой критики и, предав анафеме всю теперешнюю нашу работу по воссозданию Монархической России, парализовать растущие шаги Движения и намечающееся в дальнейшем и могущее увенчаться полным успехом объединение разрозненных монархических организаций. Это ни что иное, как стратегический обходный маневр: вместо лобовой атаки по всему идейному фронту монархии, что могло бы оттолкнуть многих объективно мыслящих людей, — зайти Монархии в тыл, представив положение так, что создается впечатление, что против самой-то монархии ничего дурного сказать нельзя, но вот за кулисами-то ее собралась недостойная компания, заслуживающая разгона. Этот обходный маневр, более продуманный, чем трафаретные безоговорочные нападки на Монархию, нами должен быть принят к сведению; этот казуистический обход с тыла должен быть нами отражен и представлен читателю во всей его лицемерной непривлекательности. А от самой нашей обвинительницы, даже если предположить, что она была кем-то плохо информирована, хотелось бы ждать более продуманных методов, чем те, которые приличествуют лишь разве захудалому репортеру глухой провинции. Об этой плохой информации скажем несколько слов ниже, а пока уделим внимание тому кардинальному пункту обвинения, который находим в статье в отношении всех нас монархистов: некультурные люди.

По этому поводу напрашивается следующее рассуждение. Культурные люди, к которым себя несомненно причисляет наша обвинительница, должны проявлять максимальную щепетильность в суждении о вещах и людях, в обоснованности преподносимых ими мнений и лишь убедившись, что почва у них под ногами не зыбкая, но устойчивая, плодоносная, на коей в самом деле можно посеять зерна справедливых, обновленных понятий и аргументацию проверенную, то есть продиктованную именно сознанием культурного человека, а не просто разгоряченной памфлетистки.

Ведь культура есть не только поверхностный лоск человека, знающего, скажем, иностранные языки и проникшего в тайны химических процессов. Культура это синтез приобретенных знаний, умственного взлета и нравственных качеств человека, т. е. бескомпромисная борьба со всем отрицательным, отягчающим нашу жизнь, между прочим, и с нашими человеческими недостатками: лицемерием, взяточничеством, обманом и проч. Только такой человек может считаться подлинно культурным, только с таким человеком интересно и полезно вести дискуссию по тому или иному вопросу, ибо только дискуссия при соблюдении всех нравственных предписаний может вылиться во что-то положительное и привести даже к соглашению противоположных мнений, что так желательно для всех любящих свою великую Родину. Как говорится у Лермонтова в «Фаталисте»: «Мы кончим дело полюбовно, но только, чур, не плутовать»! К сожалению, читая статью мадам Кусковой нельзя отделаться от нудного впечатления, не то какого то старомодного заблуждения, не то просто лукавого плутовства.

В самом деле, цитируя мои слова из моей статьи «О честном отношении к Монархии» («Наша Страна» № 304), в которой я без особого преклонения отзываюсь о партийных парламентариях, наших и заграничных, она не приводит ни одной строчки из всего остального, сообщаемого в этой статье и служащего идейным базисом такого отрицательного моего суждения о роли депутатов-партийцев. Можно ли назвать подобный метод порядочным, если приводится лишь то, что выгодно с точки зрения обвинения и опускается то, что это обвинение может разбить вдребезги? Далее, отмечая (вполне правдиво) наше нежелание подражать партийно-парламентарной системе Запада и воскрешать народное представительство во образе печальной памяти Госуд. Думы, г-жа Кускова задает вопрос, по ее мнению, могущий нас, монархистов, поставить в тупик и окончательно дискредитировать наше (и Ивана Лукьяновича) мнение о народных избранниках, которых мы хотели бы видеть первыми слугами народа и ценными советниками Монарха, но никак не властолюбцами, преследующими свои партийные (не народные!) интересы, а то и просто являющимися гробокопателями страны. Посмотрим так ли уж опрометчиво наше убеждение и так ли уж убийственен для нас вопрос журналистки.

«Не странное ли все таки явление», — вопрошает статья, — «Англия со своим развернутым до полной власти парламентом избавлена от коммунизма и с кризисами борется со всей силой народной ответственности. А Россия, в которой Николай II никак не желал отказаться от прерогатив самодержавия — рухнула». По этому поводу можно вспомнить замечательную поговорку: цыплят по осени считают. Мы еще не знаем во что выльется постепенная утрата Англией влияния, ее хотя и не быстрый, но постоянный отход под откос, ведь потеря колоний, Египет, Кипр, Суэц — все это феномены, побуждающие к серьезным опасениям. Государства рушатся не месяцами и годами, они разваливаются десятками лет, иногда столетиями методической подрывной работы и нынешние властители России знают это великолепно и не теряют надежды планомерной и упорной работой взорвать ненавистный им остальной мир, не желающий принять коммунизм. И в условиях демократических парламентов интернациональная шайка поработителей человечества чувствует себя, как рыба в воде. И утверждение, что страна с «развернутым до полной власти парламентом избавлена от коммунизма», как это сказано в отношении Англии, прямо-таки поражает детской неосведомленностью - и Тито, и французские коммунисты, да и палачи нашей Родины в газетных интервью и в своих взаимных беседах неоднократно выражают мнение, что в нашу эпоху коммунизм может и даже должен восторжествовать повсюду без потрясений, путем нормального расширения своего влияния в парламенте, а стало быть и в стране, ибо нет в демократии силы, способной обуздать парламентский разгул, коль скоро в числе «народных избранников» скопилось черезчур большое количество партизан мирового угнетения и уничтожения демократических свобод. Так что Россия рухнула не от того, что Император «не желал отказаться от прерогатив самодержавия», а потому, что обманутый облагодетельствованными им же сановниками он во имя блага Родины именно отказался от своих прерогатив, от трона, а также и потому,что «развернутый», или точнее, разгулявшийся парламент наш отравлял общественное мнение устами Милюкова и прочих его попутчиков всеми этими пресловутыми «трусостями» и «изменами», которые и привели Россию к черным, невиданным до тех пор дням. И тут же встает вопрос, о котором застенчиво молчит статья. А что же делали потом все эти люди, добивавшиеся отказа Царя от его инициативы и прерогатив, почему же они, достигнув этого, не сумели своими развернутыми, освобожденными от гнета, якобы, силами, спасти страну от коммунизма? Значит парламенты-то тоже не радикальное средство от красной гангрены. Стадион, на котором «развертывается» непристойное игрище состязаний в болтовне отравителей общественного мнения, именующих себя выразителями народной воли, может быть приятен для глаз и ушей зевак и простофиль или черезчур доверчивых мечтателей, но вдумчивому человеку, уже познавшему все прелести думского словоизвержения, этот спектакль внушает и обоснованное презрение и самые серьезные опасения при попытке его возобновления в освобожденной России. Тем более, что — и этого никак нельзя забывать — очень многие из тех, которые в прошлом ратовали за узурпацию монарших прав в свою пользу или в пользу революции, очутившись в изгнании проливали свои запоздалые слезы о своих непродуманных ошибках в прошлом (П. А. Струве, напр.: «Единственно в чем можно винить Императора Николая II-го это в том, что он во время всех нас не перевешал»).

Вот почему мы с полной обоснованностью стоим против партийно-парламентарной системы Запада и, утверждая это, мы нисколько не отходим от

взглядов нашего основоположника, которого вполне справедливо г-жа Кускова, как я уже сказал, считает умным и «понимающим течение времемен». Вот доказательство, что мы не подменили никакими отсебятинами его взгляды: В № 162-м «Нашей Страны» он писал: «Под конституцией у нас принято понимать не ограничение основными законами или традицией власти Монарха, а правительство, ответственное перед парламентом... Я — за монархическую демократию, я — против правительства, ответственного перед парламентом, я — за очень сильную монархическую власть». И в государствах с парламентским режимом правители и пресса тоже часто вопиют о необходимости усиления авторитета исполнительной государственной власти, — своими ушами слышим. А соль комизма вдобавок еще в том, что жалуются на слабость власти часто те, стоящие у кормила власти, которые эту власть всячески дискредитируют, когда они в правительстве не состоят! И большевики знают, какую великолепную лазейку для них представляют партийные парламенты. Они знают, что все эти враждующие между собою партии для них лишь — бездарные и бессильные попутчики, они знают, что даже в случае их катастрофы очень большая часть их партийного аппарата и даже главарей сумеет сговориться со сторонниками социализма и республиканизма, проникнуть в щели их разрозненного политического мышления и потом снова их проглотить, как они уже сделали это в 1917 году.

О возможности такого сговора большевики уже сейчас могут почерпать надежды из самой же левой эмигрантской печати, в которой временами проскальзывает взгляд, что по свержении большевизма сама коммунистическая партия разогнана и ликвидирована быть не должна. Этот же чудовищный взгляд был недавно выражен как это ни странно, одной национальной газетой в Бельгии. Мы же, монархисты, считаем, что бастион коммунистического интернационала, как некий древний Карфаген должен быть разрушен и никаких лазеек для большевизма в будущем, никаких ячеек от красной саранчи оставаться не должно.

Страдающая Родина наша, поставишь ли Ты нам в упрек это честное наше мнение?..

Ив. Владимиров

(Продолжение следует)

Литератор **Михаил Бойков, в воскресенье 9 сентября с. г.**, устраивает в Доме русских белых (Карлос Кальво 2851)

ВСТРЕЧУ С ЧИТАТЕЛЯМИ

В программе встречи:

1) **«Кустарный способ»** — рассказ из книги «Следы преступлений». Читает автор. Юмористический рассказ **«Писатель и читатель»**. Читает артист А. М. Лучинский.

2) Беседа на тему: **«Нужен ли нам Шерлок Холмс»?**

3) Обмен мнениями.

Начало в 5 часов вечера.

Вход свободный

«НАША СТРАНА»
В САН-ПАУЛО (БРАЗИЛИЯ)
продается
в магазине **«КНИГА»**
ул. Сан Бенто, 217, комната 124

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА «НАШУ СТРАНУ»

Е. Фест

Православное единство русского народа

Русская Православная Церковь на протяжении всей своей многовековой истории принимала самое деятельное и благотворное участие в созидании Русской Государственности.

Православная Церковь благословила государственный подвиг кн. Александра Невского на Чудском озере, признав его святым.

В те дни, когда решались судьбы нашей Родины, когда стоял вопрос, — быть или не быть свободными от татарского ига, Троице-Сергиевская Лавра и преп. Сергий Радонежский благословляли на борьбу воодушевляли, призывали народ к защите веры православной и отечества. История знает, что преп. Сергий в войско великого князя Дмитрия Донского дал своих иноков — Александра Пересвета и Андрея Ослябя, погибших в исторической Куликовской битве 1380 года.

Слава его подвижничества так привлекала к нему людей, что еще при жизни этого великого светильника нашей Церкви, основанная им обитель превратилась в огромный, людный и богатый монастырь.

Но не менее его иноческих подвигов, прославился он и подвигами государственными. Пользуясь своим огромным духовным влиянием, преп. Сергий умиротворяюще действовал на тогдашних удельных князей. Ему обязана древняя Москва примирением с московским великим князем князей ростовского, нижегородского, рязанского, галицкого, стародубского и др., признавших главенство Дмитрия Ивановича Донского, Великого князя Московского и всея Руси.

После Куликовской битвы, на победный исход которой оказал чудесное влияние преп. Сергий, великий князь, по совету радонежского игумена, составил завещание, которое тот скрепил и которое узаконяло новый порядок престолонаследия на Руси: от отца к старшему сыну.

Север и северо-восток России был приобщен к нашей культуре иноками-пустынниками, последователями преп. Сергия Радонежского. Они рубили кельи в глубине лесов. Постепенно вырастали обители и монастыри, вокруг них селились поселенцы, а иноки продвигались все дальше и дальше на север, мирно, крестом и молитвой, воссоединяя языческие племена с государством московским.

В начале 17-го века в период Смутного Времени, Тушинский вор, Лжедмитрий II, с тридцатитысячным войском осадил Троице-Сергиевскую Лавру. Осада продолжалась 16 месяцев и 2500 защитников Лавры не были побеждены. Позже, когда сама Москва была занята поляками, игумен Лавры Дионисий и Патриарх Гермоген слали грамоты, призывали народ стать на защиту веры и родины. Русский народ поднялся против поработителей. Нижегородский купец Минин-Сухоруков и воевода кн. Пожарский возглавили ополчение. Лавра отдала все свои деньги, все свои драгоценности на содержание ратных людей, идущих спасать Москву. Поляки были разбиты и изгнаны. Россия покончила со Смутным Временем. В эту героическую страницу нашей истории — вписано имя Троице-Сергиевской Лавры.

Православная вера связывала воедино все русские народные ветви, преодолевая силу их политической розни. Православие для русского народа всегда оставалось той огромной ценностью, ради защиты которой он отдавал все, вплоть до собственной жизни.

Русская православная идея постоянного непрерывного и напряженного оперковления всей государственной и общественной жизни была и остается страстным напоминанием государству и обществу, но и не менее страстным обличением малейшего лицемерия в этом смысле со стороны носителей власти и авторитета. Два с лишним столетия планомерного разложения культурной и общественной жизни страны, отравили целые поколения ядом неверия или религиозного безразличия. На наших глазах рационалистическое словоблудие теоретического нигилизма Запада выросло на русской почве в воинствующий нигилизм практического осуществления, и стала Святая Русь снова невидимым градом Китежем.

Страшная повседневная действительность стала в глазах многих тою политическою и социальною «реальностью», с которой мы должны ныне считаться. Безотрадна эта картина советской действительности, но не безнадежна. Миллионы «непокорных», наполняющих концлагеря, миллионы «молчальников», думающих в удушающей обстановке СССР свою затаенную думу, — все это неопровержимо свидетельствует о том, что все усилия коммунизма поработить душу человеческую закончились полным поражением атеистически-материалистической догмы.

Верующие православные люди в СССР, число которых сами советские властители определяют неофициально десятками миллионов, не поддались на обман и, остаются верующими и православными. Больше того, несмотря на систематические гонения, растет и ширится «катакомбная» Православная Церковь. Для христианина нет полноценной человеческой личности без свободы духовного творчества. Без нее увядает мысль и гаснет вдохновение: чахнет дарование, талант и гений, умирает искусство и наука: иссякает великий дар слова и литература превращается в жалкий подголосок той или иной «политграмоты».

Единственно существенным и важным сейчас для нас является, только одно: мыслим ли мы грядущую, освобожденную Россию, как государство православное, или нет? Только ответив на этот вопрос, можно говорить о целесообразности той или иной формы государственного правления, либо спорить о меньшей или большей «демократичности» тех или иных принципов и установлений. Ибо те положения, на которых строится и покоится русская православная идея, достаточны для разрешения всех вопросов культурной, политической, социальной и хозяйственной жизни нашей Родины. Если мы ищем спасения России в сознательном и волевом возврате к истокам и началам русской православной идеи, то нам нет иного пути, как найти Христа отметая всякий духовный «большевизм» — как слева, так и справа. Ибо русская православная идея жива, жива во всей своей ясности и необычайной простоте.

Е. Фест

† КИРИЛЛ ГРИГОРЬЕВИЧ КОНОПЛЕВ

29 июля с.г. скоропостижно скончался в Риме в возрасте 75 лет кубанский казак — полковник **Кирилл Григорьевич Коноплев.**

Покойный — участник русско-японской войны 1904-5 г.г., Первой Мировой войны и Белого Движения; в 1916-17 г. в рядах отряда генерала Баратова он проделал героический конный поход с турецкого фронта через Персию в Месопотамию, и всегда вспоминал с горечью, как вступление нашей лихой конницы в оккупированный англичанами Багдад было омрачено полученным там известием об отречении Государя.

В 1924 г. полковник К. Г. Коноплев был одним из героев смелого похода русских добровольцев, отозвавшихся на призыв Ахмеда Зогу свергнуть советофильское правительство Фаналли в Албании. Год спустя Зогу провозглашен был албанским королем.

Последние годы К. Г. Коноплев прожил в Риме, где пел в хоре православной церкви и, благодаря представительной наружности, снимался во многих обошедших экраны всего мира фильмах, изображая сановников, дипломатов и генералов. 1-го августа после отпевания в церкви, где столько лет он пел на клиросе, К. Г. Коноплев погребен на православном кладбище, месте упокоения русских эмигрантов в Риме.

А. Р.

Розыски

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно Редакцией «Нашей Страны» или ее представителями на местах.

Разыскивается **Григорий Андреевич Мороз (Жорж)**, род. в Таганроге 5 ноября 1897 года, имя его матери Варвара, урожд. Гусева. В 1944 году Г. А. Мороз был в Вене. Лиц, что либо о нем знающих, просят сообщить в редакцию газеты «НАША СТРАНА»

Анастасия Михайловна Карачевская-Волк из Херсона ищет своих родственников и близких знакомых. Писать по адресу:
Calle Codorna 780, Wilde, Prov. Buenos Aires, Argentina.

В БУЭНОС-АЙРЕСЕ
газета «НАША СТРАНА»
и все КНИГИ
Издательства «НАША СТРАНА»
продаются:

в Книжном магазине Бр. Лашкевич, ул. Леандро Алем 1140;

в Киоске В. С. Вербицкого при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон);

в Киоске Б. Н. Ряснянского при церкви на Облигадо 2130;

у газетчика на углу ул. Леандро Алем и Виамонте;

на Вижа Бажестер у инж. Василькиоти, при церкви на Ав. Альвеар.

«НАША СТРАНА» доставляется по ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ нашему представителю в МЮНХЕНЕ, г-ну БРУСЕНЦЕВУ
Moehlstr. 44, München 27

ANATOMIA DE LA SUBVERSION

(Continuación)

LAS INSTRUCCIONES DE MOSCU

En 1953 asistieron al Tercer Congreso Mundial de la F.S.M. unos 200 delegados latinoamericanos. Esta organización mantiene una escuela central donde personas seleccionadas aprenden las doctrinas y actividades comunistas. Se hace creer que la escuela est; en Viena, pero en realidad se encuentra en Budapest (Hungría), tras la Cortina de Hierro. Hasta julio de 1955 más de ochenta estudiantes de 14 países latinoamericanos habían asistido a dicha escuela, regresando a sus países como agentes bien instruídos del comunismo internacional para hacer propaganda, agitar a las masas, promover la inquietud y la disensión, organizar y penetrar en los grupos "pantalla", concertar reuniones locales y regionales, y en muchos casos para hacerse miembros de conspiraciones ilegales clandestinas.

INFILTRACION EN LA JUVENTUD

Otras organizaciones "pantalla" de importancia son la Federación Mundial de la Juventud Democrática y la Unión Internacional deEs tudiantes. Lenín dijo que "el que cuenta con las juventudes tiene en sus manos el futuro", y por lo tanto los líderes comunistas prestan gran atención a la juventud. La propaganda dirigida a estos grupos especiales se ha cuadruplicado en los últimos dos años. En los comités ejecutivos de ambas organizaciones juveniles figuran latinoamericanos. Estos ayudaron a organizar el aparentemente inocuo "Festival de la Juventud Sudamericana", en San Pablo, en febrero de 1955, y también hicieron preparativos para que más de mil estudiantes de la América latina acistieran al festival del año pasado en Varsovia. Estos llamados "festivales" son considerados tan importantes que los soviéticos gastaron más de 50 millones de dólores en organizar el Festival de la Juventud celebrado en la zona oriental de Berlín en 1951.

La Federación Internacional Democrática de Mujeres y el Comité para la Promoción del Comercio Internacional son otras organizaciones "pantalla" destinadas a interesar a grupos especiales. Las actividades de todos estos grupos en América latina, principalmente en el campo de la propaganda, han aumentado considerablemente en el curso del último año.

(Continuará)

Наш общий праздник

ПИСЬМО ИЗ СИДНЕЯ

В воскресенье 29 июля местными силами чинов Корпуса Императорских Армий и Флота в помещении Русского Дома состоялось торжественное празднование дня Тезоименитства Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Кириллович. Зал Русского Дома был заполнен чинами Корпуса, членами Народно-Монархического Объединения, Высшего Монархического Совета и многими патриотами Земли Русской, их семействами и молодежью.

Светло, радостно и уютно был встречен и проведен этот торжественный день в жизни местной Русской Колонии.

Ровно в семь часов вечера под звуки туша произошла встреча начальника Австралийского Отдела Корпуса полк. В. А. Петрушевского, который и открыл празднество краткой вступительной речью и здравицей за Ее Величество Королеву Английскую — под звуки английского гимна. Такова установившаяся здесь традиция открывать русские торжественные собрания.

Второй бокал вина был поднят в ответ на речь полк. В. А. Петрушевского об Августейшем виновнике торжества с горячим пожеланием Его Императорскому Высочеству непоколебимо твердо идти путями его Венценосных предков. Если Государь Император Александр II освободил крестьян, преодолев тяжелую оппозицию тогдашних правящих кругов, — подчеркнул полк. В. А. Петрушевский, — то как охарактеризовать и оценить то великое государственное деланье Великого Князя, которое направлено им к освобождению России от мрачных сил мирового коммунизма, вот уже без малого сорок лет терзающего в цепях мучительного рабства многострадальный российский народ?!.

Свою горячую речь оратор закончил своим следующим стихотворением в адрес «всех верных завету За Веру, Царя и Отечество»:

Нас мало, идущих с открытым забралом
Но с маской двойною — нельзя перечесть!
Когда же девятым подымутся валом
На Родине братья, то будет нам честь.
Они не забудут, как где-то, далеко,
Мы честно боролись за Русь и Царя,
Как русское знамя держали высоко,
К священным заветам любовью горя, —
Что с ними мы ждали в Кремле перезвона,
Который объявит «коммунам конец»!
Как мы поддержали Наследника Трона
В те дни, когда продан был Царский венец..

Едва замерли последние строки стиха, как полились могучие, величавые, плавные и в тоже время потрясающие звуки нашего родного, ни с чем не сравнимого русского национального гимна, — **«Боже, Царя храни»**! Росли звуки оркестра, росло пение присутствовавших, росло и волнение, охватившее всех. И по лицам многих, очень многих русских людей катились крупные слезы восторга, тоски, умиления...

Начальник местного **Народно-Монархического Объединения** полк. А. П. Стафиевский поднял бокал за здравие всей Августейшей Семьи, за всех преданных великим идеалам Русской Государственности и за живую необходимость сплотить воедино все русские национальные силы около единственного и природного Вождя.

И опять раскаты «ура», и опять гремящие звуки оркестра, и то же единодушие.

Вот та атмосфера и вот та обстановка, в которых прошел торжественный вечер Владимирова Дня, — наш общий русский праздник. Обильная трапеза, танцы, оживленные разговоры. И, что самое ценное, это — чувствование, что находишься среди своих, родных не только по русской крови, но и по духу, по мысли, по общей устремленности к заветной цели.

К 10-ти часам вечера, в разгар празднования, с концерта Кружка Св. Владимирской молодежи в состав собравшихся старших влилась волна нашей смены, — волна нарядная, веселая, радостная и закружилась в русских танцах. Да, в русских танцах. Как на наших русских вечерах и праздниках здесь не играют похоронного марша «Коль славен», так нет и негритянского джаса, вытряхивающего русскую душу.

М. С-й

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires
Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405 Correio Central, Sao Paulo.
Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1706). Santiago de Chile.
Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Ines, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.
Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, calle 14 de Mayo № 80, piso 1º, Oficina del Ing. Cámeron, Asunción. Tel. 89-76.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.
Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B. San Francisco 18, Calif.
Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.
The Russian National Book Store, 327 E 14-th St. New York 3. N. Y.
Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.
Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 3, Ont.
Mr. André Alpatoff, 12337 Rue Dionó Cartierville (Montreal) P. Q.

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles
France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.
Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 63.
Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev, Cas. postale 102, San Remo.
Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 26, Athenes.

AUSTRALIA

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda. Brisbane. Q-d.
Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.
Polyglot Book Depot, Post Office Carrum, Melburne, Vic.
Mr. S. Domansky, 24, Proctor Ave, Kingsgrove, Sydney. N.S.W.

ASIE

Iran: Leon Popoff, 273, Ave. Ferdwsi, Teheran.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
БРАТЬЕВ ЛАШКЕВИЧ

Авенида Л. Алем 1140 — БУЭНОС АЙРЕС — Тел. 31-8324

ПОЛУЧЕНА НОВАЯ ПАРТИЯ КНИГ

Достоевский — Повести и рассказы в двух томах (в переп.)	$ 70.—
Лев Толстой — Анна Каренина. В двух томах	45.—
Лев Толстой — Война и мир. В двух томах. Роск. изд.	150.—
Лев Толстой — Воскресение	25.—
Ян — Чингиз-хан	25.—
Семендяев — Справочник по математике для инженеров	40.—
Тарасов — Курс высшей математики для техникумов	30.—
Смирнов — Курс высшей математики	40.—
Бархударов — Учебник русского языка (две книги)	18.—
Чефранов — География России	15.—
Библия. Новый и Старый Завет	25.—

Имеются книги по всем отраслям знания и детская литература

Продолжается подписка на
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

1956 НАША СТРАНА 1956

основанную И. Л. Солоневичем
под редакцией Всеволода Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 3 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 6 круз.; Венецуэла — 1 бол., Уругвай — 40 ур. сент., Парагвай — 8 гуар.; Чили — 25 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса, Франция — 60 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за десять номеров вперед.

С ДОСТАВКОЙ ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

В САСШ и Канаде — 35 цент., в Бразилии 8 круз., в Венецуэле — 1.25 бол.; в Парагвае 10 гуар.; в Чили — 50 чил. песо; во Франции — 100 фр. фр.; в Германии — 1 нем. марка.

ПОДПИСКА

принимается Редакцией «Нашей Страны» и ее представителями на определенное количество порядковых номеров, или на срок: на 6 или на 12 месяцев (подписная плата в этом случае равна соответственно стоимости 25-ти или 50-ти номеров газеты).